

УДК 165.62

КРИТИКА СТРУКТУРАЛИСТСКОГО И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В ТЕОРИИ ПРАКТИК П. БУРДЬЕ И Э. ГИДДЕНСА

Я.О. Дьяченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь.

Проанализирована критика структуралистического и феноменологического подходов к проблеме оснований социальной практики, предложенная П. Бурдьё и Э. Гидденсом. Вскрыты внутренние противоречия и ограничения данных подходов в отношении указанной проблемы.

Ключевые слова: *структурализм, феноменология, социальный агент, практика.*

Социальные практики прочно утвердились как один из ключевых объектов современных социально-философских и социологических исследований. Именно в призме социальных практик ведется работа по анализу сферы обыденного социального опыта, получившая название «практического поворота».

Проблема социальных практик рассматривалась в ряде теорий известных социальных мыслителей XX в., таких как этнометодология Г. Гарфинкеля, феноменологическая социология А. Шюца, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, теория структуризации Э. Гидденса, структуралистическом конструктивизме П. Бурдьё и др. Следует отметить, что Гидденс и Бурдьё разрабатывая свои теории, уделили наибольшее внимание критике структуралистического и феноменологического полюсов.

П. Бурдьё начинает исследование практик с критики объективизма классического структурализма Ф. де Соссюра. В работе «Практический смысл» он пишет следующее: «В отличие от оратора, грамматик не может сделать с языком ничего другого, кроме как изучить его с целью кодирования. Самой переработкой, которой он подвергает язык, беря его как предмет анализа, вместо того чтобы пользоваться им для мышления и говорения, грамматик конституирует его как логос, противопоставленный праксису (и конечно же, разговорному – практикуемому – языку)» [2, с. 60]. Следовательно, практика не может быть сведена к отношению позиций внутри автономной структуры. Сведение практики к кодификации позволяет сделать вещи более простыми, предсказуемыми, а, следовательно, и более удобными для коммуникации. Конечной целью кодификации является контролируемость значения. Однако условием такой предсказуемости и контролируемости является консенсус социальных агентов, что является безусловным вопросом. В одном из примеров Бурдьё этот вопрос звучит следующим образом: «согласятся ли все члены одного общества на то, чтобы придать одинаковый смысл одинаковым названиям профессий (преподаватели, например) и чтобы дать одинаковое название (и все, что из него следует: зарплата, преимущества, престиж и т. д.) одинаковым профессиональным практикам?» [1, с. 126]. Отвечая на него автор замечает, что социальные дискуссии строятся на том положении, что, во первых, ничто до конца не гомологично/однозначно, а во-вторых, даже если гомологичность

и присутствует, она не предполагает конец самой дискуссии и последующих сделок с ней связанных. В результате социолог делает вывод, что фигура автора есть фигура публикующая то, что имплицитно присутствует в дискурсе. Тем не менее такое обнаружение является созидательной работой автора, маркируя сказанное как официальное, легитимируя и формализуя практику он придает тем самым устойчивость социальным практикам. Формализация, как отмечает Бурдьё, является не только техническим средством рационализации, но и источником символического насилия.

Продолжая критику структурализма Бурдьё выделяет проблему неопределенности отношения между наблюдателем (исследователем) и агентом. Структуралистский подход предполагает повсеместно принимать позицию беспристрастного зрителя, главной целью которого является понимание ради него самого. К примеру, вышеупомянутый язык в таком случае становится логосом, взамен праксиса. Происходит нейтрализация обыденного уровня применения языка. Такая автономная система ориентирована на доминирование внутренней логики над социальным контекстом применения языка. Ссылаясь на Витгенштейна Бурдьё подчеркивает, что структурализм всегда стремится трансформировать существительное в существо. Благодаря этому переходу он трансформирует модель, чьей целью является объяснение практической деятельности в то, что детерминирует эту практическую деятельность. Тем самым структурализм представляет лингвистический концепт в качестве реальности, обладающей социальной эффективностью, наделяет его субъектностью в рамках исторического процесса.

К схожим выводам в работе «Очерк теории структуриации» приходит и Э. Гидденс. В рамках своего исследования он расширяет группу объективистских теорий, подчеркивая ряд общностей структурализма и функционализма. Во-первых, это выделение базового методологического подхода к разделению «синхронии» и «диахронии»: «синхронический аспект позволяет исследователю сосредоточиться на изучении закрытой, замкнутой системы языка, диахрония же, как исторический подход, превращает язык в набор разрозненных фактов» [4, с. 41]. Иными словами, синхрония предполагает изучение языка, а диахрония – речи. Применительно к социологии речь идет об изучении феномена в статике и в динамике. Классический структурализм Ф. де Соссюра предполагал доминирование синхронического аспекта над диахроническим. В противоположность данному тезису Э. Гидденс подчеркивал, что изучать социальную или же языковую систему без учета её изменений невозможно. По его мнению, средства воспроизводства социальной системы являются так же носителями источников её изменений [6, р. 18]. Во-вторых, как отмечал социолог, структурализм представляет структуру как нечто внешнее по отношению к субъекту, утверждающее свой примат над его социальной активностью. В своем подходе к исследованию мира практик Гидденс предложил интерпретировать структуру как генеративные правила и ресурсы: «...в контексте социального анализа структура существует в виде структурирующих свойств социальных систем, благодаря которым в них обеспечивается “связность” времени и пространства, свойств, способствующих воспроизводству более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве, что придает им “систематическую” форму» [3, с. 59].

Таким образом, структурализм в отношении объективации практик преимущественно следует двум принципам. Первый вышеизложенный заключается в придании им в качестве объективной основы той модели, которая сформирована для науки. Второй заключается в исследовании действий, предназначенных для влияния на социальную реальность, в ключе их интерпретируемости с позиции внешнего наблюдателя: «Перейти от закономерности (*régularité*), т. е. того, что производится с некоторой статистически измеряемой частотой, и от формулировки, позволяющей ее объяснить, к сознательно формулируемому и сознательно же соблюдаемому регламенту или к бессознательной регуляции некой таинственной мозговой или социальной механики» [2, с. 77] – таков, по мнению Бурдьё, путь конституирования объективного представления о практике, принятый в структурализме. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что игнорирование диалектики объективных и инкорпорированных структур практики ведет к представлениям об автономных структурах, развивающихся безотносительно агентам и, в конечном счете, представлении об агенте как чистом продукте таких структур.

От критики структурализма как одного из существующих полюсов дискурса практик Бурдьё переходит к анализу другого полюса – феноменологического с присущим ему уклоном в прозрачность сознания. Для этого он обращается к философии Ж.-П. Сартра, который, по его мнению, интерпретирует практики как стратегии, ориентированные на цели, поставленные агентом свободно и осознанно, и более того предвосхищающей действия других агентов. Как отмечает Бурдьё: «Так, не сумев найти ничего похожего на устойчивые диспозиции и вероятные случайности, Сартр превращает каждое действие в некоторого рода конфронтацию субъекта и мира, не имеющую прошлого. Это ясно видно в том отрывке из “Бытия и ничто”, где он приписывает революционному сознанию – “конверсии” сознания, произведенной некой воображаемой переменной – власть творить смысл настоящего, создавая отрицающее его революционное будущее» [2, с. 82]. Несмотря на то, что в ряде работ Сартр признает наличие открытых Э. Гуссерлем «пассивных синтезов», в целом он отказывается от них, как от «реалий достаточно смутно явленных в надиндивидуальном сознании» [5, с. 543]. Такой ход мысли приводит Сартра к критике объективной социологии и порождаемой ею социальной инерционности. Понимание социального класса в таком ключе сводится к его закреплению как класса-вещи, редуцированного и инертного. Подлинный класс, по его мнению, не является классом условий и предпосылок, но группой, утверждающейся в практике, мобилизованным классом, тем, что он сам из себя сделал. Подобная интерпретация, по мнению Бурдьё, исключает анализ диспозиций и устойчивых стилей жизни и в конечном итоге ведет к теории трансцендентного происхождения общества и истории. Тотальная прозрачность субъекта и непрозрачность вещей не дает возможности говорить о социальной институции. В конечном счете субъективистский подход Сартра сходится с объективизмом структурализма в части проецирования сознания исследователя на сферу практики. Сартр легко проецирует свое сознание, способное, по его мнению, жить без инерции, диспозиций, определяющего прошлого, на других субъектов, создавая своеобразную проектную общность. Из этого анализа в свою очередь вытекает еще одна проблема радикального субъективизма – как показать и обосновать непрекращающуюся связку волевых, рациональных решений даже

в сферах (религиозные предпочтения, потребительские вкусы) выглядящих наименее рационально. Обращаясь к теме веры Бурдье, показывает один из таких парадоксов, цитируя английского философа Б. Уильямса: «Даже если существует возможность принять решение верить p , то невозможно одновременно верить p и верить, что факт веры p вытекает из решения верить p ; так что если нужно исполнить решение верить p , следует стереть из памяти этого верующего решение верить» [7, р. 138]. Генезис веры, следовательно, содержит амнезию в качестве одного из своих элементов. По мнению Бурдье, анализируя подобные примеры нетрудно заметить, что рациональное решение и система предпочтений, лежащая в его основе, состоят не из суммы множества принятых до этого решений, но и из множества условий, которые наблюдались в отношении каждого такого решения. Среди прочего в эти условия входят решения других агентов, оказывающих влияние на коммуникативную ситуацию и способных сформировать мнение принимающего решения агента, реализуя свои модели и анализ.

Подытоживая критику феноменологического похода Бурдье отмечает, что антропологические модели, используемые сторонниками теории рационального действия для обоснования тезиса о рациональном и свободном расчете как источнике практики, опровергают сами себя. Тем самым они стимулируют поиск оснований социальных практик в отношении между детерминизмом внешних структур и внутренней предрасположенностью, диспозициями агентов. В этом плане размышления Гидденса и Бурдье во многом схожи. Таким образом, при всем различии этих авторов, их движение к построению собственного теоретического понимания социальных практик логически предполагает критику структуралистского и феноменологического подходов в стремлении преодолеть дилемму объективизма и субъективизма.

Список литературы

1. Бурдье П. Начала / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1994. 287 с.
2. Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуры / пер.: Тюрина И. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.
4. Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. 244 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В.И. Колядко. М.: Астрель, 2011. 925 с.
6. Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan press, 1979. 294 p.
7. Williams B. Deciding to believe // Problems of the Self. Cambridge: U. P., 1973. P. 136-151.

**THE CRITIQUE OF STRUCTURALISM AND
PHENOMENOLOGICAL APPROACH IN P. BOURDIEU'S AND
A. GIDDENS SOCIAL PRACTICE THEORIES**

Y.O. Dyachenko

Tver State Technical University, Tver

The article is aimed at the analysis of the criticism of structuralist and phenomenological approaches to the problem of the foundations of social practice offered by P. Bourdieu and A. Giddens. The internal contradictions and limitations of these approaches to this fundamental theoretical problem are revealed in relation.

Keywords: *structuralism, phenomenology, social agent, practice.*

Об авторе:

ДЬЯЧЕНКО Ярослав Олегович – старший преподаватель кафедры медиатехнологий и отношений с общественностью, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: ingwarSwolf@yandex.ru

Author information:

DYACHENKO Yaroslav Olegovich – senior lecturer, Dept. of media technologies and public relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: ingwarSwolf@yandex.ru